

О. А. Новоселова, Л. Н. Храмцова

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

novoselova.olya2011@yandex.ru, llyudmilanik@yandex.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В РУССКОЙ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО ДАННЫМ СИБИРСКИХ ГОВОРОВ)

Статья посвящена проблеме оценочной номинации мужчин и женщин в народно-речевой культуре. Цель данной статьи – определить некоторые особенности экспликации гендерного аспекта в оценочной деятельности носителей сибирских говоров.

Источником материала послужили Словарь русских говоров Новосибирской области под ред. А. И. Федорова, а также словари экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики – приложения к кандидатским диссертациям авторов статьи. Обращение к живой речи носителей сибирских говоров позволило выявить некоторые общие и гендерно специфичные оценочные номинации, в которых эксплицированы физические особенности человека, его внутренние характеристики, предопределяющие его поведение, социальные взаимоотношения.

В результате исследования выявлено, что в качестве основания оценки для мужчины и женщины выступает отношение к домашним делам, хозяйству, поведение, т. е. внутренние качества. Оценки даются с позиции противоположного пола: мужчин оценивают женщины, женщин – мужчины.

Определяются некоторые качества, особенности поведения, которые признаются как свойственные либо только мужчинам, либо преимущественно женщинам. Коммуникативно релевантными выступают оценочные номинации «хозяина», хорошего / плохого хозяина – хорошей / плохой хозяйки, выявляются основания эмоциональной оценки, которые применяются к хозяину вообще либо только к хозяйке. Подчеркиваются основные женские и мужские проявления в поведении, в социальных взаимоотношениях, ролевые различия и их отражение в оценочных номинациях.

Гендерно маркированными оказываются следующие признаки: женщин чаще оценивают по внешнему виду (в том числе неопрятность, неряшливость и, наоборот, излишне нарядная одежда), их склонности к ссорам, сплетням, пустым разговорам; в оценочной квалификации мужчин актуальными являются чрезмерное употребление спиртного, драчливость, грубое поведение по отношению к женщине. Выделяются номинации, общие для мужчины и женщины, но различным может быть набор признаков, попадающих в фокус оценки.

В заключение указывается на то, что проблема лингвистического осмысления оценочных номинаций человека в гендерном аспекте не теряет значимости, так как позволяет определить глубинные представления о роли мужчины и женщины, их функциях, некоторых особенных свойствах, что проявляется во всех языковых стратах и формирует «особенности» мужского и женского начала в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: гендер, прагматика, эмоциональная оценка, оценочные номинации, языковая картина мира, лексикография, народно-речевая культура.

Изучению оценочных номинаций человека посвящено большое количество лингвистических работ. Категория языковой оценки широко исследуется на материале разных языков с опорой на лексику различных частей речи. Внимание лингвистов привлекали такие вопросы, как природа и сущность оценки и ее отражение в языке, специфика аксиологической оценки как логико-языковой категории (Н. Д. Арутюнова [1988], Е. М. Вольф [1985], В. Н. Телия [1986] и др.), природа эмоциональной оценки и ее сущность как семантической

Новоселова О. А., Храмцова Л. Н. Оценочные номинации женщины и мужчины в русской народно-речевой культуре (по данным сибирских говоров) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 40–48.

составляющей категории экспрессивности (Н. А. Лукьянова [1986], В. И. Шаховский [1987], М. И. Черемисина [1977] и др.). Исследуются прагматические особенности оценочной лексики (Ю. Д. Апресян [1988], Т. Г. Винокур [1986], В. Н. Телия [1986] и др.).

Лингвистов интересуют вопросы, связанные с отражением в языковых единицах различных качеств и способностей человека. Выявлены и описаны эмоционально-оценочные существительные со значением лица на материале языков разных систем (Н. А. Лукьянова [1986], М. И. Черемисина и О. А. Рыжкина [1977] и др.). Исследования последних лет показали, что адекватное описание культуры невозможно без анализа концепта *ЧЕЛОВЕК* [Вежицкая, 1996].

Рамки одной статьи не позволяют представить через экспрессивную лексику в целом образ человека. Целью настоящего исследования является определение некоторых особенностей экспликации гендерного аспекта в иллюстративном материале диалектных словарей.

Обращение к диалектному материалу, содержащему экспрессивную лексику, позволяет определить некоторые качества, особенности поведения, которые признаются как свойственные либо только мужчинам, либо преимущественно женщинам.

Источником информации о народно-речевой культуре в диалектном словаре могут служить разные зоны словаря. Прежде всего, сами включенные в словарь лексические единицы отражают те фрагменты диалектной картины мира, которые являются наиболее значимыми для носителей русских говоров. Так, например, в диалектных словарях широко представлена лексико-семантическая группа глаголов с семантикой «устать от выполнения физической работы». В новосибирских говорах она насчитывает более 40 лексем, например: *намантолиться, напластаться, настebuнаться, убарабаться, умайкаться, уматошиться, упехтаться, упластаться, урехаться, устосаться, устряпаться, утенькаться, утискаться, утюхаться, ухайдакаться, ухлестаться, ухлопаться, ухлябаться, ухляматься, ухряпаться, ухэкаяться, учертячиться, ушомкаться* и др.¹ Многочисленными по своему составу являются лексико-семантические группы, например, как отмечает Н. А. Лукьянова, «человек ленивый», «человек болтливый», так как они отражают ключевые идеи диалектной картины мира [Лукьянова, 1986].

Безусловно, большую роль в экспликации оценочного содержания лексем играет зона толкования. Но, к сожалению, не всегда толкования, прежде всего, экспрессивной лексики, в полной мере раскрывают коннотации, связанные с речевой ситуацией: когда, в отношении кого (женщины, мужчины, ребенка), при каких обстоятельствах может быть употреблена та или иная лексическая единица.

Наиболее интересной для исследователя экспрессивной лексики зоной словарной статьи является зона иллюстративного материала.

С одной стороны, иллюстративный материал в диалектных словарях представляет собой живые высказывания носителей говоров, а не сконструированные составителями словаря предложения, как это бывает представлено в словарях литературного языка. Текстовый материал отражает человека говорящего, представителя народно-речевой культуры, его отношение к предмету разговора, его оценки, мнения, эмоции, взгляды на жизнь. В контекстах представлены межличностные отношения, характерные для народно-речевой среды, ценностные ориентиры, представления о мире носителей народной культуры, о том, как должно жить, о том, что одобряется / не одобряется в их окружении, соответствует / не соответствует принятым представлениям о норме.

С другой стороны, необходимость обращения к иллюстративному материалу, представленному в словарях русских говоров, объясняется еще и тем, что контексты содержат богатейшую прагматическую информацию, которая зачастую не использована в полной мере составителями словарей. В современных условиях существования говоров, когда носителей «чистого», традиционного диалекта становится все меньше, иллюстративный материал словарей, а также записи речи диалектоносителей, сделанные авторами во время диалектологических экспедиций в районы Новосибирской области, могут стать ценнейшим источником

¹ Храмцова Л. Н. Экспрессивные глаголы с архисемой 'работать / не работать' в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом аспектах (на материале региональных словарей): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1996. С. 35.

получения информации о специфике оценочной деятельности носителей народно-речевой культуры.

Источником материала для написания данной статьи послужили Словарь русских говоров Новосибирской области под ред. А. И. Федорова², а также словари экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики – приложения к кандидатским диссертациям³. Обращение к живой речи носителей сибирских говоров позволило выявить некоторые общие и гендерно-специфичные оценочные номинации, в которых эксплицированы физические особенности человека, его внутренние характеристики, предопределяющие его поведение, социальные взаимоотношения.

Многими исследователями диалектного дискурса доказано, что для диалектоносителей такие концепты, как *РАБОТА*, *ДОМ* являются актуальными, коммуникативно релевантными, а это, в свою очередь, объясняет значительное количество оценочных номинаций «хозяина», хорошего / плохого хозяина – хорошей / плохой хозяйки.

В народно-крестьянской культуре четко прослеживается разделение обязанностей в хозяйственной деятельности на «мужские» и «женские». Подтверждение находим в пословицах русского народа, например: *По воротам и хозяина видно; Без хозяина – двор, а без хозяйки изба плачет; Без хозяина двор и сир и вдов; Хорошая хозяйка из петуха уху сварит; Хорошую хозяйку по корове узнают; Хозяйка в доме как оладейка в меду.*

Хороший хозяин выполняет всю «мужскую работу»: *во дворе всё работает, дрова заготавливает, сено, хозяйственные постройки чинит, чистит*, например: *У ей мужик всё то строит, то стругает, всё работает, хозяин; Хозяйство хорошо держит, вот хозяин, хорошо у него всё дёржится.* Дается общая оценка «хозяйственности» мужчины, как правило, с позиции женщины: *ловкий, мастак, проворный, крутой, работающка, трудяга, хватливый, хват, энергичный*; ср.: *Сын мой очень работающка, всё сам, всё сам. И дом, веранду, и гараж. Большой работающка, не неумеха какой-нибудь; Сильно крутой, вот и называет шамела* (энергичный, быстрый в работе. – О. Н., Л. Х.), *что-нибудь сделает, опять делает без отдыха; Микита Малетин – старик хожавый* (энергичный, деятельный. – О. Н., Л. Х.).

Важными признаются такие качества мужчины, как трудолюбие, выносливость, опытность в делах, ответственность в принятии решений, сообразительность, серьезность, немногословие. *У мужа моего голова работает хорошо, он мужик с головой, башковитый; В семье нашей все мужики тямкие были; Мой мужик знаткой был, разбирался; Как баба кака, не будет болтать, он серьезный; Сосед языком почём зря не мелет; Мой мужик на печи не залежится / не заспится* (ср.: *Дом невелик, а спать не велит; Хозяин всегда себе дело найдёт; Хорошему хозяину день мал.*)

Общеизвестно, что наивная картина мира такова, что каждый человек либо хороший, либо плохой; и если его трудно отнести к тому или другому, то о нем говорят, что он в чем-то хороший, а в чем-то плохой. Ср.: *Говоришь, ничо мужик, работающий. Может и работающий, да в бутылочку любит заглянуть.* Взвешивание положительных и отрицательных сторон объекта речи смягчает оценку как таковую, информация, следующая за союзом *да* (противительные отношения аксиологических предикатов), является более весомой в плане оценки, более значимой для говорящего [Арутюнова, 1988. С. 99]. Некатегоричность отношения субъекта речи к объекту оценки ведет к «приглушению» эмоционального тона высказывания, на первый план выступает рассудочное, рациональное начало.

Позиция говорящего может не совпадать с оценочной позицией кого-либо «третьего», он высказывает несогласие с существующей оценкой, опровергая, оспаривая ее. Стремление говорящего подтвердить правильность своей оценки, противоположной уже сложившейся у кого-то, поддерживается усилением эмоционально-оценочного тона всего высказывания, что выражается и интонационно, ср.: *Да у ей ведь не мужик, а золото, трудяга! А она ж его*

² Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1979. 605 с.

³ Новоселова О. А. Семантика оценочных прилагательных и их лексикографическое описание (на материале русских говоров Сибири): Дис. ... канд. филол. наук: В 2 т. Новосибирск, 1990. 602 с.; Храмова Л. Н. Экспрессивные глаголы с архисемой 'работать / не работать' в говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом аспектах (на материале региональных словарей): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1996. 405 с.

не ценит вот; Сроду всё не так, сроду всё ворчит, недовольный. Да поищи где такого зятя, вёрткого да ловкого.

Негативно оценивается равнодушие, отсутствие интереса у мужчины к хозяйственным делам, нежелание заниматься домашними делами, например: – *У тебя изба – баран рогом разломает. – Да на мой век хватит; Сказала сыну что-нибудь сделать, а он не знает как да и не хочет – холуй значит. Он уже не хозяин, не от души делает, а как по приказанию.*

То, что трудолюбие является важным качеством и для мужчины, и для женщины, показывает местоимение *мы*. Ср.: *Мы как ишаки работали, целый лето не отдыхали, лежсеботничать некады было*⁴.

Не наблюдается гендерных различий при отрицательной оценке нежелания трудиться, лени, например: *И раньше на деревне были завалюги, а теперь и подавно! Совсем разленились люди!*⁵

Общей чертой, свойственной человеку хозяйственному (как мужчине, так и женщине), признается рачительность, бережливость, экономность в ведении хозяйства. Иллюстративный материал, предлагаемый в словарях, содержит и «мужской», и «женский» материал, однако мужчине чаще приписываются такие качества, как энергичность, деятельность (ср. *добытчик*), например: *Добыткой мужик где-нибудь что-нибудь обязательно добудет. Из-под воды всё добудет, как моя сноха; Ходовой чо хошь везде достанет – это ходовой мужик.*

Ср. в говорах Забайкалья⁶: *Иканамист, прибирает, кладёт, глядит – чо-то принесть, купить, хозяйственный, хороший хозяин, с копейки разжился, со спички разжился; Кукобник – так это бережливый очень, в хозяйстве всё бережёт. И кукобница ешь, хозяйка, значит, бережлива, хороша; А за кукобным-то мужичком как за стеной она: дома всё есть и на месте; Чо было бы, если бы я усё не кукобила, не собирала? А вот чо – по миру бы пошли. А так скукобила мала дела (немного), и ничаво, не хуже других теперь...*

В то же время мы обнаружили, что чрезмерная экономность, запасливость расценивается как склонность к жадности, подобные действия ущемляют интересы других (*всё в дом ташишит*), ср.: *Такой закопила, уж такой жлобина, во всем ужимается, бабе своей зарплату не отдаёт, всё на книжку ложит; Ему, жаждёбе, всё мало, вечно недовольный, нанашкурливый, жадный да скупуций.*

Часто в словарях наблюдается «оценочное рассогласование» толкования лексической единицы и иллюстративного материала: чрезмерная бережливость, экономность приводит к отрицательной коннотации, что, однако, никак не маркируется в словарной статье, например, в забайкальских говорах⁷: *Всё гребёт к себе, никому не даст, жадуёт; Кукобница – котая к себе пригрябает, хозяйственная, другие скажут – жадная.*

О женщине как хозяйке судят по порядку, чистоте в доме, в огороде, во дворе; хозяйка должна еду приготовить, за детьми присмотреть и в огороде успеть – она ответственна за организацию домашнего хозяйства. Так как круг дел, забот женщины ограничен домом, выделяются номинации хозяйки, которые происходят от слова *дом*: *домовница / домовица – бездомовница, пустодомка, домовитая.*

Трудолюбие, качественное выполнение «женской домашней работы» (*угоить, опроворить, обиходить, обиходница, домовница*), чистоплотность в ведении домашнего хозяйства, опрятность (*чистёха, чистотка, чистюля*), проворность в работе (*поспелиха*), умелое ведение домашнего хозяйства – все эти качества в комплексе отличают хорошую хозяйку (ср.: *Хозяйка в дому, что пчела в саду*).

Выделяются основные качества, сопрягаемые с высокой работоспособностью: 1) ловкость, проворность в делах, например: *Всё успеет спроворить; У ей в руках всё горит, не копуша кака-нить; Про хороших хозяек не говорят, что она царапается. Когда царапаются, то долго работают. Это уж совсем на нерях так говорят, а кака хозяйка обиходная, так у ей всё опроворено; 2) умение выполнить всё качественно, хорошо, как следует, например: *Она не неумеха, она и помоем, и начистит, и сготовит вкусно – хороша хозяйка; Поспелиха**

⁴ Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 223 с.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

всё поспеет, сделает и как следоват; У ей всегда посуда угоенная, весь обиход так угоит, что посмотреть любо-дорого, така чистюля попала, у ей в кухне всё блестит.

Ср. в говорах Забайкалья⁸: *Через дом зайди, погляди: двор чистый, изба блестит, дети ухоженные, сама хозяйка опрятна. Вот это и будет кукобница; ...сама лучша жена: накормит, напоит вкусно, дома чисто всегда; Выбирають родители жениха невесту. Смотрють, чтоб кукобливой была, значить, хорошей хозяйкой. Посылають к ней сватов...; Кукоблива хозяйка любит много работать.*

В то же время в иллюстративном материале представлены негативные оценки тех качеств мужчины и женщины, которые нарушают общепринятые представления о «нормальном положении вещей».

Осуждается медлительная, нерасторопная, неловкая женщина, всё делающая, как правило, не так, как следует, некачественно: *копуша, нетакня, кулёма / кулёмка, кулемесить, копотная / копучая; жамкать, жулькать, мызгать* и др. Например: *Это чё за тряпки, а говорит: полотенца. Помызгат кое-как и не узнаешь – то ли тряпка, то ли полотенце; Уж она застрамилась, как дочки-то уехали, в избу не зайти, тараканы да тенеты кругом – страм один, и сама грязнуха грязнухой; Кака-то девка у них бессолая; пока это она допетрит – ее сорока на подстилку в гнездо утаишиит; Растопчá (неуклюжая, нескладная, нерасторопная. – О. Н., Л. Х.) кака-то ихня Нинка, сидит на почте, рот разинет, вроде как сроду не спит* (ср. пословицу: *Хороша хозяйка: веник под лавкой, грязь по углам*).

Нерасторопность, медлительность женщины может быть связана с ленью, нежеланием выполнять домашнюю работу (*ленюга, завалюга, вырлыга*). Как уклонение от домашних дел, забот рассматривается склонность женщины к активным контактам с соседками, пустым разговорам (на лавочке за воротами, у забора и т. п., что можно рассматривать как стремление выйти из «домашнего круга»), например: *Хороша хозяйка попусту балантрясит по деревне не станет, ей некогда с бабами стоять, у ей дел полно; И ходют, ничо не робят, лындят день-деньской, ну, хлынка ли назовешь... бесстыжа да ленива.*

В основе характеристик ленивого мужчины, отлынивающего от домашней работы, как правило, другие основания: *Лежит себе и в ус не дует. Хозяин лежит – и всё лежит. Ср.: лежень, лежебока.*

Преимущественно женщине приписываются такие отрицательно оцениваемые характеристики, как чрезмерная словоохотливость, болтливость, склонность к пересудам, сплетням (*двоехвостничать, двоехвостка, двоехвостница, балабошка, баламошка*), например: *У Марфы, соседки моей, невестка – балаболка. Ей бы всё у магазина стоять да с бабами балаболить; Только бы языками почесать бабам.*

Однако мужчина также может стать объектом негативной оценки за излишнюю болтливость, пустословие, склонность приврать (*трепло, трепач, пустобай, др.*), ср.: *А вот если человек врёт много, за себя не отвечает, так его хлопуща называют, а почему: наверно, языком хлопает; Веркин муж мне больше глянется, чем шалопут Катькин, болтун, трепач.*

Чаще женщина, нежели мужчина, получает отрицательные характеристики, если допускает небрежность, неряшливость в одежде, например: *Сейчас еслив бы я зачепаха пришла, вы бы и сказали, что вот грязнуля, умесилась, грязь кому пондравится?; Задрьпанная, грязная, некультурная, неряшливая, когда ни зайдешь, вот это всегда задрёпа; Я ж сроду фартук раз пять поменяю, чо ж в грязе-то (ходить. – О. Н., Л. Х.), а есть старухи как зачепахи, вечно замыканные, уделанные.*

Неоднозначно оценивается стремление женщины нарядно одеться, принарядиться. Нарядная, красивая одежда ассоциируется с праздником, особым случаем, например: *Да мы с ей, бывало, нарядимся, расфуфыримся на вечеринку* (эгоцентрическое высказывание, скорее шутивное, чем неодобрительное, как отмечается в диалектно-просторечных словарях). Оценки собеседника или третьего лица, как правило, иронично-неодобрительные, подчеркивающие излишнюю нарядность, не соответствующую случаю, выделяющую женщину среди других, например: *Там такая баба чепурная, а сколько у неё в девках добра было; Ой, мамочки, Любка напендерилась: криклиновое (кримпленовое. – О. Н., Л. Х.) платье с кирзовыми сапогами; Идёт она, растутырилась (оделась слишком нарядно. – О. Н., Л. Х.).*

⁸ Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья.

Ср. в говорах Забайкалья⁹: *Навираменилась, начипурилась, не видали её! Надо делать тут, работать, а она!; Иишь, нахуфонилась. На свидание собираешься?*

В зону отрицательных качеств, гендерно маркированных, попадает чрезмерное употребление спиртного. Склонность к пьянству, в первую очередь, характеризуется как мужская черта, о чем свидетельствуют иллюстративные словарные материалы, например: *Чертомелит мой мужик и всё. Сколько сробит, столько сгробит, пропьёт, ничё не донесёт; Ой-ой, ой-ой, пьёт, как в бочку льёт; Уж с утра настebuнялся, что б ты скис!*

Эмоционально-оценочный тон этих высказываний различен при «внешнем» совпадении характеристик объектов оценки: это обусловлено различными коммуникативно-прагматическими намерениями говорящего. Когда в качестве объекта оценки выступает третье лицо, большую роль играет степень близости субъекта и объекта оценки: близкие, родственные, неродственные отношения.

В высказывании *Совсем залился человек, а таки были руки золоты, совсем стал непутевый*, выражающем эмоциональное отношение говорящего к постороннему лицу, как бы подводится «аксиологический итог» жизни: говорящий стремится быть объективным, сообщает как отрицательные, так и положительные характеристики объекта оценки, при этом выражает чувство сожаления.

Более сильные эмоции выражаются в высказывании *Опять накрутился* (напился. – О. Н., Л. Х.), *непутевый*, где объект оценки – адресат речи, вызывающий своим поведением у говорящего раздражение, так как оценка дается тому, что происходит сейчас, в данный момент, «на глазах».

В таких высказываниях, как, например: *Пошел вон, винодуй проклятый!; Размамаил всё в доме, чертов пьянчуга!*, бранные имена прилагательные актуализируют высокую степень признака, вызвавшего у говорящего отрицательную эмоциональную оценку (интенсификация того компонента семантики существительного, который «причастен» к эмоциональной оценочности слова), а также усиливают и саму эмоциональную оценку (интенсификация эмоциональной оценочности, выражаемой коннотативной семантикой существительного, а также содержанием всего высказывания в целом).

Так, следующие высказывания передают негативную эмоциональную оценку матери по отношению к своему сыну, например: *Я ему сколько долблю, чтоб учился, а он всё воздух пинат, весь в отца: тот горький пьяница, шалахвостит, и этот, прости господи, непутевый; Да заявился уж в первом часу, бессрамник этакий, налакаются, а потом шарются-шарются по деревне; Заявился – ни тяти ни мамы, пьянющий*. Говорящий исключает объект оценки из «личной сферы», занимает позицию «обличителя», выражая свое резко отрицательное отношение.

Осуждается физическое насилие, жестокость мужа по отношению к жене: *дикошарый сдelaется, орёт, кидается, дракливый, дебоширный, гоняет*; например: *Водку пил, детей бил, своенравный был. Не жили, а мучились; А тот (муж) первой-то ничё, показал себя хорошо, а потом давай её громить*¹⁰; *Тожe гонял её муж да всё издевался*¹¹.

Особого внимания заслуживают спровоцированные контексты, играющие в диалектной лексикографии важную роль. Спровоцированные контексты, содержащие информацию прагматического плана (кто, кому, при каких обстоятельствах может сказать данное экспрессивное слово), характеризующие речевое поведение говорящего, подтверждают мнение социологов о высоком уровне в народе открыто выражаемой агрессивности при вторжении в личностное пространство, причем это не столько особенности темперамента, сколько социальное качество. В связи с этим так часто эксплицируются при интерпретации условия конфликтных ситуаций употребления экспрессивов: *обозлевет... скажут, дозлит... скажут, в сердцах... скажут, со злостью скажут, не утерпит... закипит, злить, выводить из себя, рассердить*. Таким образом, помимо характеризующей функции, экспрессивная лексика выполняет ответно-защитную роль: *чтоб отцелился, отстал*.

⁹ Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья.

¹⁰ Полный словарь сибирского говора / Том. ун-т; Кемеров. ун-т; Том. пед. ин-т; сост. Л. А. Араева и др.; гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. Т. 1. 286 с.

¹¹ Там же.

Глаголы *ссориться, скандалить, браниться, ругаться* с общей семантикой «разговаривать, бранясь, перечая друг другу, не желая уступить» актуализируют ситуацию «одна задержала, другая неспустиха», участниками которой чаще всего выступают женщины. Например: *Пришла и выкостила её, на чём свет стоит; У нас дворы-то рядом вон, усё как на радиову (слышно): кажный день иво величает, лаются как собаки; Приехала тут одна, ей наругаться, как в воду плюнуть*¹².

Индивидуально-личностные характеристики женщин – постоянных участников коммуникативной ситуации скандала попадают в сферу образно-оценочных комментариев в высказываниях диалектоносителей, ср.: *От каждого слова завестись может, запсиховать, сразу понесёт тебя, на все ладони развернёт; захайлает, дак ой-ёё, горлопанистая; на все корки отлять; облять ей – раз плюнуть, облайка; на чём свет отгоила*. Подчеркивается прежде всего несдержанность женщины в речевом поведении, бранчивость, склонность к ругани, ее нежелание управлять своими эмоциями, открыто демонстрируя раздражение, свой гнев. Подобные особенности поведения ведут к усилению интенсивности проявления эмоционального накала в речевом общении.

Проблема лингвистического осмысления оценочных номинаций человека в гендерном аспекте в народной речевой культуре не теряет значимости, так как позволяет определить глубинные представления о роли мужчины и женщины, их функциях, некоторых особенных свойствах, что проявляется во всех языковых стратах и формирует «особенности» мужского и женского начала в русской языковой картине мира.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1988. С. 7–44.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт: Моногр. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- Винокур Т. Г. Толковый словарь и языковое употребление // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 16–26.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки: Моногр. М.: Наука, 1985. 228 с.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики): Моногр. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: Моногр. М.: Наука, 1986. 144 с.
- Черемисина М. И., Рыжкина О. А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1977. Вып. 6. С. 3–24.
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Моногр. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1987. 208 с.

Материал поступил в редколлегию 20.08.2017

¹² Дарбанова Н. А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья.

O. A. Novoselova, L. N. Khramtsova

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Viluysskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

novoselova.olya2011@yandex.ru, llyudmilanik@yandex.ru

The article focuses on the problem of evaluative nomination of men and women in verbal folk culture. Our aim is to define some specific traits of explication of the gender aspect in the evaluative activity of Siberian subdialect speakers.

Dictionary of Russian Subdialects of Novosibirsk Oblast (ed. by A. I. Fedorov), as well as dictionaries of expressive and emotional-evaluative words (addenda to the authors' dissertations) served as our sources of materials. As we analyzed the speech of Siberian subdialect speakers, we discovered some general and gender-specific nominations that explicated physical traits of people, their personal characteristics defining their behavior and social relations.

According to our research, the basis of evaluation of men and women is their attitude towards housework, their behavior, e. g. their internal traits. The evaluation is provided by people of the opposite sex: men are evaluated by women, and women are evaluated by men.

Some qualities and traits of behavior are understood as typical only for men or primarily for women. Evaluative nominations of a 'master', bad or good house owner (male or female) are understood as communicatively relevant; basics of emotional evaluation, which are applied to house owners in general (or only to female ones), are defined. Basic manifestations of female and male genders in behavior and social relations are defined, as well as role differences and their reflections in evaluative nominations.

The following traits are gender-marked: women are usually evaluated by the way they look (including the cases when they are unkempt, slovenly, or, conversely, are excessively well-dressed), by their inclination to conflict, gossip, and empty talk; in evaluative qualification of men, excessive drinking, inclination to fighting, and rude behavior towards women are relevant. Nominations common for men and women alike are also listed, but sets of traits that the evaluation focuses on may be different.

In the end, we conclude that the problem of linguistic analysis of evaluative nominations of people (from the gender point of view) remains important because it allows us to define the deepest ideas about the roles of men and women, their functions and specific traits that manifest in all language strata and form the defining traits of 'male gender' and 'female gender' in the Russian language world view.

Keywords: gender, pragmatics, emotional evaluation, evaluation nominations, the language picture of the world, lexicography, folk-speech culture.

References

- Apresyan Yu. D. Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovarya [Pragmatic Information for Explanatory Dictionary]. *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and Problems Intensionality]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1988, p. 7–44. (in Russ.)
- Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of Languages Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 339 p. (in Russ.)
- Cheremisina M. I., Ryzhkina O. A. Ekspressivno-leksicheskiy fond russkogo yazyka [Expressive Lexical Fund of the Russian Language]. *Aktual'nyye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Lexicology and Word Formation]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1977. vol. 6, p.3–24. (in Russ.)
- Lukyanova N.A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (Problemy semantiki) [Expressive Vocabulary of Spoken Usage (The Problems of Semantics)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 230 p. (in Russ.)

Shakhovskii V. I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka [Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1987, 208 p. (in Russ.)

Teliya V. N. Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits [Connotative Aspect of Semantic Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 144 p. (in Russ.)

Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznaniye [Semantics, Culture, and Cognition]. Moscow: Russkiye slovari Publ., 1996, 412 p. (in Russ.)

Vinokur T. G. Tolkovyi slovar' i yazykovoe upotreblenie [Explanatory Dictionary and Language Use]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1986. № 4, p. 16–26. (in Russ.)

Volf E. M. Funktsional'naya semantika otsenki [Functional Evaluation Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 228 p. (in Russ.)